

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

НОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ: ОТ «ЯЩИКОВ С ИНСТРУМЕНТАМИ» К КОГНИТИВНЫМ ПРОЦЕССАМ

Дмитрий Дмитриевич Шариков
(ddsharikov@hse.ru)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Шариков Д.Д. (2019) Новая социология культуры: от «ящиков с инструментами» к когнитивным процессам. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(3): 179–210. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.3.8>

Аннотация: Рассматриваются основные подходы к пониманию культуры в современной социологической теории. Реконструируется теоретическая логика классической функционалистской модели культуры. Утверждается, что классическая модель уходит корнями в работы Э. Дюркгейма и М. Мосса о коллективных представлениях и символических системах классификации. Объясняется, как интерпретация Т. Парсонсом теоретического наследия Э. Дюркгейма легла в основу его концепции культурной системы. Предлагается критика классической модели культуры с позиций современной психологии и когнитивных наук. Излагаются основные положения альтернативной «фрагментированной» модели культуры Э. Свидлер. Представляется исследовательское направление социологии культуры и познания. Раскрывается содержание «дуально-процессной» модели культуры в версии С. Вейзи и ее значение для интеграции классической и «фрагментированной» моделей. Разбираются введенные О. Лизардо различия недеklarативной и декларативной культуры, а также публичной и персональной культуры и их значение для развития дуально-процессной модели. Эксплицируются логические и содержательные трудности дуально-процессных теорий культуры. Анализируется содержание полемики О. Лизардо и С. Тёрнера о роли зеркальных нейронов в обеспечении механизмов трансмиссии практических компетенций между социальными акторами. Кратко рассматривается критика психологических оснований теорий дуальных процессов. Излагается суть спора между компьютералистскими и энактивистскими объяснительными моделями в когнитивистике и его потенциальное значение для когнитивной социологии культуры. Обосновывается необходимость прояснения философских оснований трансдисциплинарного взаимодействия социальных и когнитивных наук. Обсуждаются идеи уровней анализа, социального эмерджентизма и нисходящей каузации. Очерчиваются основные перспективы дальнейшего развития исследовательского направления когнитивной социологии культуры.

Ключевые слова: социология культуры, когнитивная социология, теории дуальных процессов познания, психологическая социология, междисциплинарность.

Введение

Сегодня многие обзоры, посвященные концепциям культуры в современной социологической теории, начинаются с признания неприятного обстоятельства: в социологии нет единого понимания, что включает в себя понятие культуры, поэтому дать ему строгое и точное определение — довольно непростая задача. Положение культуры в социальной теории противоречиво: с одной стороны, нет ничего более распространенного, общепринятого и интуитивно понятного, чем идея культуры — считается даже, что с определенного момента она вытеснила понятие «общества» в качестве главного объяснительного принципа в социологии (Гофман 2010: 194–196). С другой стороны, едва ли найдется понятие столь же неопределенное, размытое и проблематичное*: еще полвека назад Кребер и Клакхон насчитали в своей знаменитой работе около 150 определений культуры (Kroeber, Kluckhohn 1952), и за прошедшие годы концептуальный клубок запутался лишь сильнее. Дефиниции культуры в современной социальной теории либо содержательно скудны и упускают из виду целые классы феноменов, либо — что гораздо чаще — являются неоправданно широкими. Как саркастически отметил Дж. Л. Мартин, культура в понимании современных социологов — это «всё человеческое, что нельзя потрогать руками, и еще три четверти того, что можно» (Martin 2010: 228). Как подчеркивает Дж. Тёрнер, общей отправной точкой для многих концепций культуры является представление о том, что люди создают символические системы, которые используются для регуляции поведения, однако даже под таким максимально абстрактным определением готовы подписаться далеко не все теоретики (Turner 2014: 164).

Хотя отдельные авторы и призывают оставить попытки разубить гордиев узел культурной теории, отказавшись от этого понятия раз и навсегда, большинство исследователей всё же слишком высоко ценит объяснительную силу культуры, чтобы просто отбросить ее в сторону. Поэтому и по сей день социологи, антропологи, психологи и представители других смежных дисциплин не прекращают вести работу над концептуализацией этого понятия, пытаются разработать более теоретически насыщенные, логически непротиворечивые и эмпирически устойчивые модели культуры. Важные теоретические работы, пытавшиеся проблематизировать онтологические основания культуры, появились в социальных науках

* Кроме разве что самого «общества» или «социального».

на волне так называемого «культурного поворота» 1970–1980-х годов. Большинство из них было посвящено критическому осмыслению наследия классической социальной антропологии и парсоновского функционализма, противоречивость которого становилась всё очевиднее по мере накопления как внутренней критики, так и внешнего междисциплинарного знания.

Ключевым пунктом, вокруг которого развернулись теоретические дебаты, стал вопрос о связи культуры с действием: функционалистская «социализационная» модель утверждала, что культура мотивирует человеческое поведение вследствие глубинной интернализации индивидами культурных образцов (прежде всего ценностей) в ранние годы становления личности (Parsons 1964). Приверженцы же альтернативной, «фрагментированной» модели настаивали на том, что культура работает не за счет «устойчивых психологических склонностей», привитых в ходе социализации, а благодаря «публично доступным значениям», которые способствуют одним паттернам действия, ограничивая при этом другие (Swidler 1986: 283): индивиды стратегически используют доступные в конкретный момент времени культурные «инструменты» (tools), чтобы ориентироваться в социальных взаимодействиях и институтах, и именно посредством «структурирующего влияния внешней социальной среды» культура обретает когерентность (а не в сознаниях индивидов, как предполагает функционалистская модель) (Swidler 1986; 2001). Эта позиция остается влиятельной в современной культурной социологии, однако в последнее десятилетие появился ряд публикаций, раскрывающих ее ограничения. В частности, новые способы примирить стандартную «социализационную» модель с «фрагментированной» моделью культуры предлагает исследовательское направление социологии культуры и познания (The Sociology of Culture and Cognition), в рамках которого разрабатывается так называемая модель дуальных процессов культуры (dual-process model of culture) (Vaisey 2009; Hoffman 2014; Lizardo et al. 2016). Эта модель, опирающаяся на представления о двойственности процессов человеческого познания из когнитивной психологии, показывает, что культура может служить источником мотивации действия благодаря и «интернализации»* индивидами определенного культурного знания, и существованию публично доступных культурных значений (Lizardo 2017).

* При этом понимание авторами «интернализации» не совпадает с классической социологической концепцией социализации и вдохновлено скорее современными психологическими теориями познавательного развития и обучения.

Одна из ключевых целей нашего аналитического обзора — рассказать российскому читателю о предмете и содержании наиболее актуальных теоретико-методологических дискуссий в современной социологии культуры, особенно о тех аспектах этих дискуссий, которые пока не так широко освещены в русскоязычной социологической литературе. Благодаря усилиям Д.Ю. Куракина и других авторов российское социологическое сообщество уже хорошо знакомо с некоторыми важными проблемами социологии культуры и теми решениями, которые предлагает для них так называемая сильная программа (неодюркгеймианской) культурной социологии Дж. Александера. В то же время другие не менее влиятельные альтернативные модели, включая и так называемую «фрагментированную» концепцию культуры Э. Свидлер, пока явно остаются в тени и не так часто упоминаются в русскоязычных публикациях.

Вторая ключевая цель текста, логически следующая за первой, состоит в ознакомлении российского читателя с молодым, но набирающим обороты направлением в современной культурной социологии, ориентированным на поиск ресурсов для решения накопившихся теоретико-методологических проблем в междисциплинарном взаимодействии и сотрудничестве, в первую очередь с областью когнитивных исследований. Российский читатель может быть знаком с определенными направлениями в когнитивной социологии знания и когнитивной социологии морали через публикации И.Ф. Девятко и круга соавторов, однако когнитивная социология культуры пока удаивалась лишь эпизодических упоминаний в специальной литературе (см.: Куракин 2018: 34–38).

В первом разделе аналитического обзора предпринимается попытка реконструировать логику «стандартной» функционалистской модели культуры, проследив ее истоки к парсоновской интерпретации теоретического наследия Э. Дюркгейма, а также продемонстрировать присущие ей противоречия на материале «внутренней» социологической и «внешней» междисциплинарной критики. Во втором разделе кратко излагаются исходные теоретические и методологические положения «фрагментированной» модели культуры Э. Свидлер, разработанной в качестве альтернативы функционалистской модели, и приводится краткий экскурс в проблематику когнитивной социологии культуры. Третий раздел посвящен критическому анализу альтернативной «дуально-процессной» модели культуры, ее точек опоры в современной экспериментальной психологии и когнитивистике, а также способов интеграции «стандартной» и «фрагментированной» моделей, которые она предлагает. В четвертом и пятом разделах разбираются ограничения и содержательные трудности «дуально-процессной» модели, связанные с использованием объяснительных

средств социологических теорий практик, а также с трансдисциплинарным импортом концептов: в частности обсуждаются проблемы трансмиссии и тождества практических компетенций, споры между компьютеризацией и энктивизмом в когнитивных науках и логические противоречия теорий дуальных процессов в психологии. Наконец, в финальном разделе очерчиваются основные направления дальнейшего развития новой модели культуры и освещаются некоторые общеполитические вопросы, вокруг которых будут разворачиваться последующие дискуссии.

«Стандартная» модель культуры: теоретическая логика и ограничения

По мнению ряда авторов (Swidler 2001; Bergesen 2004; Vaisey 2009; Lizardo 2016), несмотря на все многообразие концепций культуры в классической и современной социологии, представляется возможным — с некоторыми значительными упрощениями — реконструировать своего рода «стандартную» социологическую модель культуры, теоретическая логика которой оказывала большое влияние на западную культурную социологию вплоть до «культурного поворота» 1970–1980-х годов. Истоки этой «стандартной» модели авторы призывают искать прежде всего в поздних работах Э. Дюркгейма, таких как написанное в соавторстве с М. Моссом эссе «О некоторых первобытных формах классификации» и его последний большой труд «Элементарные формы религиозной жизни». В «Первобытных формах классификации» Дюркгейм и Мосс вводят понятие коллективных представлений (*représentations collectives*) — символических систем классификации, с помощью которых люди осмысливают и познают реальность и окружающий мир (Дюркгейм, Мосс 2011). Системы коллективных классификаций задают границы восприятия и мышления внутри общества или социальной группы, трансформируя мир, представленный данными органов чувств, в мир опосредованный и структурируемый значимыми символами (Lukes 1973: 424). Дюркгейм и Мосс настаивают на том, что эти механизмы классификации социальны по своей природе и приобретаются социальным путём, а не являются частью врожденной когнитивной архитектуры человека (Дюркгейм, Мосс 2011: 119–124).

Эти идеи получают дальнейшее логическое развитие в работе «Элементарные формы религиозной жизни», в которой Дюркгейм формулирует свою концепцию «категорий мышления». Как отмечает некоторые комментаторы, по сути Дюркгейм предлагает социологическую переработку старой кантовской идеи о существовании априорных категорий рассудка, благодаря которым связываются данности созерцания (Десятко и др. 2015: 28; Lizardo 2015: 577–578). Дюркгейм начинает с того, что

постулирует существование «базовых понятий, которые управляют всей нашей интеллектуальной жизнью: категорий времени, пространства, рода, количества, причины, субстанции, личности и т.д.» (Дюркгейм 2018: 63). Содержание нашего познания, по Дюркгейму, это «смутные и зыбкие образы», для структурирования которых как раз и нужна рамка в виде этих категорий (Дюркгейм 2018: 278–279). Однако, как можно было понять ещё из предыдущих теоретических работ, Дюркгейм отвергает идею о том, что эти категории даны нам априорно и заявляет, что источник их возникновения надо искать в коллективной жизни, в обществе (Дюркгейм 2018: 279). Как отметил А. Бергесен, общая логика здесь довольно проста: группы людей оказывают причинное воздействие на вещи — значит, понятие причины берётся из группового опыта; группы обладают коллективной реальностью как некоторой социальной субстанцией — значит, и идея субстанции может взяться только из группового опыта и т.д. (Bergesen 2004: 397). Для Дюркгейма возникновение этих категорий неразрывно связано с совместным существованием и взаимодействием людей в определенных социальных рамках, в первую очередь с их участием в публичных религиозных ритуалах (Дюркгейм 2018: 64), в ходе которых происходит «коллективное бурление» (Дюркгейм 2018: 385–389). Категории существуют в виде коллективных представлений *sui generis*, эмерджентных по своему характеру (несводимых к сумме индивидуальных представлений) и оказывающих воздействие на индивидуальные сознания (Дюркгейм 2018: 700–701).

Стоит заметить, впрочем, что сам Дюркгейм системы классификации и коллективные категории явным образом к культуре не относил и вообще не пользовался этим термином в привычном для социальной теории XX в. значении. По мнению О. Лизардо и ряда других авторов, ответственность за «переплавку» дюркгеймианских концепций для нужд социологии культуры лежит на одном из влиятельнейших социальных теоретиков XX в. Толкотте Парсонсе, предложившем специфическую интерпретацию и развитие идей классика. В своей теории действия и социальных систем Парсонс выделил отдельное место для системы культуры — «системы генерализованных символов и их значений» (схем категоризации) (Parsons 1964: 29). В центре анализа Парсонса оказываются отношения культурной системы с двумя другими, которые он называет социальной системой и системой личности соответственно. Культура, с одной стороны, опосредует взаимодействия между акторами, а с другой — способствует интеграции социальной и личностной систем. Как отмечает Дж. Ритцер, культура также имеет свойство становиться компонентом других двух систем: в социальной системе она воплощается в виде ценностей и норм,

а в системе личности — интернализируется актором (Ritzer, Stepnisky 2017: 324). Основным механизмом интернализации у Парсонса выступает социализация индивида в семье. Как отметил О. Лизардо, переработав фрейдовское понятие «интроекции», Парсонс по сути представил фрейдизм в качестве антропологической теории когнитивной социализации, в ходе которой индивид усваивает систему коллективных категорий, опосредующих познание объектов среды (Lizardo 2015: 578; Parsons 1964: 23). В итоге, как отмечает О. Лизардо, культура предстает у Парсонса в виде «надорганической системы идеальных элементов» (прежде всего норм, ценностей и убеждений), выраженных в значимых символах и передаваемых с помощью символических посредников, которые (элементы) ограничивают и действия индивидуальных агентов, и «паттерны взаимодействия» социальных систем (Lizardo 2016: 110; Parsons 1964).

Постулат о значимости культуры для мотивации действия стал одной из главных мишеней критиков парсонсианской теории, упрекавших автора в излишнем «культурном детерминизме» (Inglis 2015: 67; Ritzer, Stepnisky 2017: 324). Так, один из известных учеников (и наиболее значимых теоретических оппонентов) Парсонса Г. Гарфинкель наградил «сверхсоциализированных» акторов, следующих нормативным предписаниям культуры, меткой характеристикой «культурные болваны» (cultural dopes) (Garfinkel 1967: 68). Концепция культурной системы Парсонса также многократно подвергалась критике такими авторами, как Р. Дарендорф, Д. Локвуд, Ч. Райт Миллс, за излишнее подчеркивание значимости культуры в установлении порядка и консенсуса и отрицание роли конфликта (Alexander 1988: 98), а также за чрезмерный акцент на системной интеграции (в противовес социальной интеграции). Наиболее современную критику «мифа о культурной интеграции» с позиций критического реализма предложила М. Арчер, заявившая, что стандартной социологической модели культуры присуща ошибка «нисходящего сращения» уровней анализа (downwards conflation fallacy) (Archer 2005). В результате этой ошибки свойства социокультурных взаимодействий («люди») необоснованно рассматриваются как эпифеномены культурных систем («части»), в то время как эти уровни необходимо рассматривать как аналитически разделимые (Archer 2005: 18–21).

Впрочем, несмотря на обилие критики «стандартной» функционалистской модели культуры, ее основания и содержательное «ядро» долгое время оставались непоколебимыми. Наиболее радикальные оппоненты функционалистской социологии культуры утверждают, что отказ от отдельных элементов парсонсианской концепции не влечет за собой отказа от ее общей логики: О. Лизардо, в частности, заявляет, что любая совре-

менная теория инкультурации, предполагающая, что индивиды «интроецируют из внешней среды» категории, с помощью которых осмыслиют окружающий (и внутренний) мир, является в сущности парсонсианской, даже если автор не пользуется терминами вроде «ценностной ориентации», «интеграции систем» или «поддержания образца» (Lizardo 2016: 112). А. Бергесен также отмечает, что вдохновленная дюркгеймианско-парсонсианскими постулатами гипотеза о неорганизованности человеческого познания и отсутствии значимой когнитивной структуры до социализации оказалась удивительно устойчивой в социальной теории, даже несмотря на явное ослабление позиций классического структурного функционализма (Bergesen 2004: 397). Хотя конкретные механизмы инкультурации у разных авторов и отличаются, подчеркивает Бергесен, однако общее предположение о том, что именно интернализация индивидами над-индивидуальных символических структур (ценностей, убеждений, утверждений и т.п.), обеспечивающих категоризацию чувственного опыта и служащих источником мотивации действия, превращает человека из биологического существа в полноценного участника социокультурной жизни, воспроизводится в теориях культуры и по сей день.

Однако первый действительно серьезный удар по «стандартной» теоретической логике культурной социологии пришел не со стороны ее «внутренних» критиков, а из внешней среды — со стороны экспериментальной психологии и когнитивных нейронаук. Бум когнитивных исследований второй половины XX в. принес с собой открытия, которые пошатнули многие допущения о познавательных способностях индивидов, явно или неявно заложенные в социологических концепциях культуры и инкультурации (Turner 2002; Bergesen 2004; Martin 2010). И чем больший авторитет в научном сообществе и обществе в целом приобретала когнитивная наука со временем, тем сложнее становилось игнорировать ее данные и их импликация для социальной теории.

Объемный корпус исследований в области когнитивного развития младенцев наглядно продемонстрировал: многое из того, что было принято считать усваиваемым из внешней среды и социокультурным по происхождению, вероятно, заложено в человеке природой. Выяснилось, что у младенцев до всякой социализации и участия в коллективной жизни существует нечто наподобие а) врожденной «житейской физики» (folk physics), т.е. ментальных репрезентаций категорий пространства, числа, субстанции и причинно-следственных отношений; б) врожденной «житейской психологии» (folk psychology), или моделей психики человека (theories of mind), позволяющих приписывать другим агентам цели и интенции; в) врожденной «житейской социологии» (folk sociology), понимае-

мой как способность интерпретировать некоторую коллективную сущность, состоящую из множества объектов, в качестве единого индивида (unitary individual) (Bergesen 2004: 398–406).

Кроме того, экспериментальные данные психологических исследований памяти явно указали на неправдоподобность картины «глубинной» интернализации сложноструктурированных кодов, идеологий и ценностных систем по причине ее чрезмерной когнитивной затратности — индивиды попросту не смогли бы удерживать в памяти такое количество релевантных логических связей (Lizardo, Strand 2010: 205; Martin 2010). Со временем выяснилось, что даже «магическое число семь» Джорджа Миллера было излишне оптимистичной оценкой когнитивных способностей индивида: на самом деле человек способен удерживать в краткосрочной памяти лишь около 3–4 «кусков» информации (Martin 2010).

Наконец, значимые импликации для ревизии традиционных моделей культуры предложили исследования по психологии обучения: факты индивидуальных вариаций ментального содержания в процессе передачи знаний и навыков поставили под сомнение оправданность любых концепций культуры, зиждущихся на допущении о разделяемом характере некоторых предположений (presuppositions) или общей «рамки» (framework) как основе человеческой коммуникации и взаимодействия (Turner 2007a: 364–365).

Опирающаяся на специфические дюркгеймианско-фрейдистские представления о когнитивной социализации функционалистская модель была не в состоянии идентифицировать эмпирически правдоподобные психологические механизмы, благодаря которым культура внедряется в индивидуальные сознания, обретая свою декларируемую когерентность (Turner 2007a: 364–365). В определенный момент времени стало очевидно, что эти открытия, равно как и внушительный массив «внутренней» критики, представляют собой большой вызов для классических социологических моделей культуры и, вероятно, требуют радикального переосмысления их онтологических и эпистемологических оснований.

Отвечая на вызовы:

«ящики с инструментами» и когнитивная социология

Впрочем, отношение к теоретическим и методологическим проблемам, которые удалось обнажить когнитивным наукам, оказалось в исследовательском сообществе далеко не самым однозначным. Некоторые авторы заняли отчетливо оборонительную позицию, подвергнув когнитивные науки критике за «империализм и необоснованные претензии на исчерпывающее объяснение всех аспектов человеческого поведения и опыта»

(Coulter 2008: 26). Другие предпочли просто проигнорировать открытия когнитивистики или отмахнуться от них, продолжив использовать в своей работе модели, базирующиеся на проблематичных теоретических предпосылках. Третьи, однако, отнеслись к вскрывшимся трудностям гораздо серьезнее своих коллег и предпочли максимально дистанцироваться от «стандартного» парсонсианского понимания культуры. Позиция этих авторов была достаточно радикальной: отталкиваясь от неправдоподобности концептуализации культуры как когерентной символической системы, служащей источником мотивации действия для социализированных акторов, они предложили рассматривать культуру как фрагментированную, слабо связанную, вынесенную во внешний мир и используемую акторами скорее стратегически — для рационализации своих действий (нежели для мотивации).

Одним из главных апологетов такой концептуализации культуры стала Э. Свидлер, автор теории культуры как «ящика с инструментами» (toolkit theory). Свидлер, опираясь на результаты многолетних эмпирических исследований, обратила внимание на существование явного расхождения между идеологическими основаниями культуры и ее поведенческими манифестациями (Swidler 1986). В частности, изучая брачное поведение американцев, Свидлер пришла к заключению, что идеологии мало влияют на действия людей: они могут использоваться акторами *post hoc*, чтобы «придать смысл» своим действиям (т.е. обосновать их), но реальные источники мотивации действия всегда лежат вовне — в «ситуационных контекстах» и институтах (Swidler 2001: 202). Культура, по мнению Свидлер, приобретает когерентность не в головах людей, а посредством «внешней структуры», осуществляемой прежде всего властными институциональными акторами (Swidler 2001). Индивиды овладевают культурой в весьма поверхностной, дезорганизованной манере, постоянно нуждаясь в «структурирующей поддержке внешней социальной среды для производства связанных суждений и поведенческих паттернов» (Lizardo 2016: 114; Swidler 2001). В то время как истинными драйверами действия в теории Свидлер выступают институты, роль культуры сводится к наложению ограничений на действие через доступные культурные репертуары или — что чаще — к рационализации уже совершенных действий и принятых решений (Vaisey 2009: 1680).

Другие авторы решили начать поиск ресурсов для преодоления теоретического кризиса в тех дисциплинах, открытия которых и стали источником затруднений. Так, с середины 1990-х годов в американской культурной социологии начинает оформляться направление, известное сегодня под названием «социология культуры и познания» (The Sociology

of Culture and Cognition)». Представители этого направления пытаются разработать новые когнитивно правдоподобные теоретические (и эмпирические) модели культуры, опираясь на установленные факты о механизмах человеческого познания и мышления. Отправной точкой в становлении направления принято считать программную статью П. Димаджо 1997 г., в которой он представляет резюме некоторых открытий когнитивной психологии и их импликаций для культурной теории, а также призывает коллег к расширению междисциплинарного сотрудничества (DiMaggio 1997). Одной из ключевых фигур, откликнувшихся на призыв Димаджо, стала К. Серуло, являющаяся не только автором многочисленных публикаций по теме, но и основным организатором симпозиумов, конференций и секций по когнитивной социологии культуры в Америке. Именно Димаджо и Серуло стали авторами первых работ, в которых систематически излагались результаты исследований из разных областей когнитивных наук, релевантные для социологии культуры, и предлагались конкретные области их применения. Однако теоретические взгляды Димаджо и Серуло, несмотря на их когнитивистскую ориентированность, были довольно близки к теории «ящика с инструментами» Э. Свидлер. Димаджо, например, прямо заявляет, что исследования по когнитивной психологии подтверждают обоснованность «фрагментированной» модели (DiMaggio 1997: 267). Хотя одним из ключевых компонентов культуры у Димаджо оказываются сформированные в сознаниях индивидов ментальные схемы (schemata), влияющие на интерпретацию поступающей информации, отбор схем для активации у него направляется именно внешними культурными сигналами/стимулами (cues), укорененными в физической и социальной среде (DiMaggio 1997: 273–274), что представляет собой незначительное отступление от воззрений Э. Свидлер и ее последователей.

Шаги к интеграции: дуальные процессы познания

На проблемы, присущие теориям культуры как «набора инструментов», обратили пристальное внимание представители второй волны американской когнитивной культуросоциологии, среди которых стоит выделить таких авторов, как Г. Игнатоу, С. Вейзи, Дж. Л. Мартин, О. Лизардо, Х. Шэпарт, М. Стрэнд и др. Ключевым полемическим текстом, ознаменовавшим появление альтернативной когнитивистской концепции культуры, стоит считать статью С. Вейзи 2009 г. «Motivation and Justification» (Vaisey 2009), которая начинается с анализа введенного Э. Свидлер различия между «мотивационными» и «обосновывающими (justificatory)» концепциями культуры (Swidler 2001). Как уже упоминалось выше, это различие появилось в результате критики Свидлер в адрес традиционных концепций

культуры, постулирующих, что человеческие действия мотивируются некоторыми интернализированными культурными образцами, и последующего выдвижения «рационализаторской» модели культуры (Swidler 2001). Вейзи, однако, считает позицию Э. Свидлер слишком радикальной и стремится показать ложность жёсткого деления культуры на две модели, привлекая для этого ресурсы так называемых теорий дуального процесса мышления (dual process theories) из когнитивной психологии. Эти теории постулируют существование двух классов ментальных процессов: автоматических (запускаемых ненамеренно, протекающих неосознанно и не требующих большого количества когнитивных ресурсов) и контролируемых (запускаемых намеренно, протекающих осознанно и требующих больших когнитивных затрат) (Gawronski, Creighton 2013: 283–284). Вейзи опирается, прежде всего, на теорию дуальных процессов из моральной психологии Дж. Хайдта (Haidt 2001), перенимая его метафору «наездника на спине слона»: «наездник», т.е. сознательные когнитивные процессы, не может полностью контролировать движимого желанием и эмоциями «слона», т.е. когнитивное бессознательное, но способен постепенно научить его двигаться в нужном направлении (Vaisey 2009: 1683–1684).

Пытаясь переложить эту идею на более конвенциональный социологический язык, Вейзи обращается к работам П. Бурдьё и Э. Гидденса, вводя различие «практического» (ему соответствуют автоматические ментальные процессы) и «дискурсивного» сознания (ему соответствуют контролируемые процессы соответственно) (Vaisey 2009: 1682–83). «Практическое сознание» Вейзи связывает с существованием бессознательных культурных схем, понимаемых (вслед за когнитивными антропологами) как сформированные в ходе жизненного опыта сети нейронных ассоциаций, способствующих восприятию, интерпретации и действию (Vaisey 2009: 1685–86). Таким образом, модель культурного познания Вейзи объединяет в себе некоторые элементы как «стандартной» модели культуры, так и артикулированной Свидлер и Димаджио альтернативной модели: с одной стороны, социальные акторы движимы глубоко интернализированными схематическими процессами («практическое сознание», «габитус»), с другой — способны обдумывать и обосновывать свои действия («дискурсивное сознание») (Vaisey 2009: 1687). Вейзи утверждает, что с помощью такого хода ему удаётся противоречие между культурой-как-мотивацией и культурой-как-рационализацией, идентифицируя конкретные когнитивные механизмы, обеспечивающие связь культуры с действием.

Из авторов, с энтузиазмом воспринявших предложение Вейзи, следует особо выделить О. Лизардо, который совместно с кругом соавторов

развил и дополнил идеи оригинальной публикации, предложив собственное аналитическое различие между публичной и персональной культурой, а также — между декларативной и недеklarативной персональной культурой (Lizardo 2017). Декларативной культурой Лизардо называет «эксплицитную, символически опосредованную культуру», которую индивиды усваивают «быстрым» путём, при весьма ограниченном количестве контактов (*exposures*), и кодируют в декларативной системе памяти (Lizardo 2017: 4). Декларативная культура состоит прежде всего из феноменологически прозрачного (т.е. доступного интроспекции) «знания-что» (*knowing-that*)* об объектах, событиях, людях и опыте, которое может быть использовано для логических рассуждений, оценки, вынесения суждений, категоризации и рационализации своих действий (Lizardo 2017: 5). Недекларативная культура, напротив, приобретается путём «медленного обучения» в форме «имплицитных, устойчивых, когнитивно-эмотивных ассоциаций, телесных манер поведения (*bodily comportments*), и перцептивно-моторных навыков», т.е. «знания-как» (*knowing-how*) (Lizardo 2017: 5). Декларативная и недеklarативная культура вместе составляют персональную (т.е. существующую на уровне индивидов) культуру, которую Лизардо отличает от публичной культуры, экстернализированной в форме публичных символов, дискурсов и институтов (Lizardo 2017: 6). В упомянутом виде классификация Лизардо представлена на рисунке 1.

Особое внимание Лизардо и соавторы уделяют процессам инкультурации, т.е. усвоения или интернализации культуры индивидами. В отличие от классической парсоновской модели социализации, опиравшейся преимущественно на специфическую интерпретацию фрейдистского понятия интроекции, Лизардо и соавторы настаивают на том, что интернализацию необходимо понимать в ключе современной когнитивной психологии — как «кодирование и хранение информации в функционально и физиологически различных (*distinct*) системах памяти» (Lizardo 2017: 4). Главной опорой из психологии для Лизардо и соавторов выступает дуальная модель памяти и обработки информации Э. Смита и Дж. Декостера, постулирующая существование ассоциативного и основанного на правилах (*rule-based*) режимов обработки (Smith, DeCoster 2000). Всего авторами выделяется четыре этапа инкультурации — приобретение, хранение, обработка и использование — и на каждом из них осуществляются процессы двух качественно различных типов (Lizardo et al. 2016: 291). В процессе приобретения (*acquisition*) культуры можно выделить имплицитное обучение (практическое, воплощенное (*embodied*) и «медленное») и эксплицитное обучение

* Различение «знания-что» и «знания-как» позаимствовано авторами у Г. Райла.

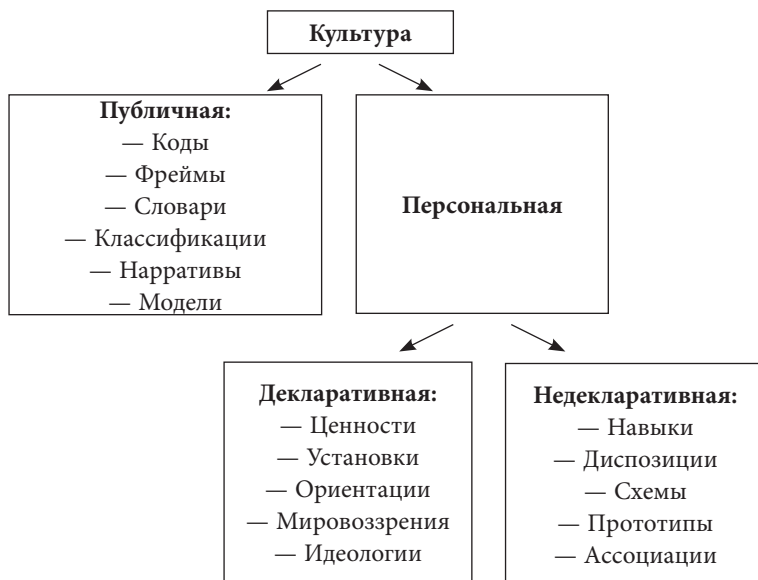

Рис. 1. Классификация видов культуры по О. Лизардо
(адаптированная версия диаграммы (Lizardo 2017: 7))

(концептуальное, выраженное в символах, «быстрое») (Lizardo et al. 2016: 293–295). В случае с хранением (памятью) деление проходит по уже знакомой линии декларативной — недеklarативной системы: декларативная память при этом подразделяется на эпизодическую, семантическую и автобиографическую (Lizardo et al. 2016: 295–297). В отношении «обработки» (processing) культуры авторы говорят о ассоциативной обработке информации (она связана с распознаванием паттернов) и основанной на правилах (rule-based) обработке информации (она подразумевает «использование выраженных символически правил, структурированных языком и логикой» (Smith, DeCoster 2000: 111)) (Lizardo et al. 2016: 297–299). Наконец, связь культуры с действием также осуществляется благодаря двум наборам механизмов: а) интенциональные, контролируемые и требующие усилий механизмы, основывающиеся на планировании и целеполагании; б) автоматическая активация схем действия, «ассоциирующихся с восприятием аффордансов* в некоторой ситуации» (Lizardo et al. 2016: 300).

* Термин, заимствованный из гиббсоновской психологии для обозначения внешних объектов и фрагментов среды, которые позволяют (afford) произвести с собой некоторое действие.

Одной из главных ошибок предшествующих теорий культуры Лизардо считает бытовавшее представление о том, что существует всего один способ, которым знание кодируется в долгосрочной системе памяти, а именно в квазилингвистическом формате (Lizardo 2017: 10). Вместо этого Лизардо предлагает ввести принцип соответствия между формой воздействия (*exposure*) и формой кодирования: культура интернализируется в том формате, в котором непосредственно встречается в мире, без преобразования в единый код (Lizardo 2017: 10–11). Лизардо идет еще дальше и провозглашает принцип избыточности кодирования (*redundant encoding*): индивиды обладают доступом к культурному знанию об определенных областях как в декларативном, так и в недеklarативном формате, и эти знания могут пересекаться и накладываться друг на друга (Lizardo 2017: 11). Эти принципы обладают важными импликациями и для связи культуры с действием: форма кодирования определяет условия, при которых культурное знание будет активировано, а контекст активации знания регулирует (*modulates*) способ доступа к нему, что в свою очередь накладывает ограничения на то, как это культурное знание может быть использовано (Lizardo 2017: 11). В итоге одинаково возможными оказываются ситуации, когда индивиды «знают больше, чем могут рассказать», и когда они «могут рассказать больше, чем знают как (сделать)» (Lizardo 2017: 12).

Теории дуальных процессов в когнитивной социологии культуры привлекли внимание широкого круга исследователей и успели стать предметом не только теоретических, но и методологических дискуссий. В 2013 г. развернулась полемика между С. Вейзи и А. Пью по поводу роли глубоких интервью в социологии культуры (Pugh 2013; Vaisey 2014a), а в 2014 г. в центре дискуссии оказалась роль этнографии и включенного наблюдения (Jerolmack, Khan 2014; Vaisey 2014b). Хотя сторонники теорий дуальных процессов и подчёркивают важность многометодного подхода к исследованию культуры, они вполне определенно отдают предпочтение количественным методам, особенно опросу и анализу социальных сетей. В последнее время значимое место в методологических дискуссиях также начинают занимать вопросы импорта психологических методик измерения автоматических и неавтоматических когнитивных процессов: например, теста имплицитных ассоциаций (Shepherd 2011) и его альтернатив (Miles et al. 2019).

Разумеется, за десять лет, прошедших с момента публикации оригинальной статьи С. Вейзи, вокруг теорий культуры как дуальных процессов также успел сформироваться большой корпус эмпирических исследований различной тематической направленности. Часть этих работ использует

модели дуальных процессов для эмпирической проверки вполне конкретных теорий среднего уровня: сюда можно отнести, например, исследования связи религиозности с употреблением марихуаны (Hoffman 2014), сексуальности и кулинарных предпочтений (Leschziner, Green 2013), религиозной идентичности (Moore 2017), сетей сотрудничества в организациях (Srivastava, Banaji 2011), бедности и образования (Vaisey 2010) и т.д. С другой стороны, существуют и эмпирические работы с ярко выраженной ориентацией на вопросы общей социологической теории: например, изучающие значимость ценностей как форм культуры (Miles 2015), влияние культурных мировоззрений на композицию социальных сетей (Vaisey, Lizardo 2010), роль интернализированных диспозиций в воспроизводстве культуры (Vaisey, Lizardo 2016) и др.

Практики и зеркальные нейроны: некоторые трудности «дуально-процессной» модели

Несмотря на безусловную теоретическую новизну и хорошую эмпирическую реализуемость моделей культуры как дуальных процессов, они всё же связаны с рядом трудностей и ограничений логического и содержательного характера, представляющих собой препятствия для дальнейшего продуктивного развития направления. Говоря о «внутренних», собственно социологических проблемах «дуально-процессных» моделей культуры, представляется оправданным заявить, что ахиллесовой пятой концептуальных построений Лизардо и соавторов является их укорененность в так называемых теориях практик. На эту социологическую традицию в своей оригинальной статье опирался еще С. Вейзи, открыто сравнивавший автоматические когнитивные процессы с концепциями «габитуса» и «практического сознания», однако именно в работах Лизардо, убежденного сторонника «сильной» теории практик в версии П. Бурдье (Lizardo 2007; Lizardo, Strand 2010), эта приверженность становится особенно очевидной и приносит с собой целый ряд трудностей логического и содержательного характера.

Самую обстоятельную критику концепций социальных практик еще 25 лет назад предложил С. Тёрнер в своей книге «The Social Theory of Practices». Тёрнер видит в современных концепциях практик версию неокантианских «неявных предположений», фактически выступающих в качестве суррогата таких терминов, как «привычка» или «обычай» (Turner 1994: 29). Через коллективно разделяемые практики социологи пытаются объяснить наблюдаемое единообразие человеческого поведения в группах, коллективах и сообществах, однако, по мнению Тёрнера, не существует ни одного правдоподобного объяснения механизмов,

посредством которых практики обретают эту «коллективную разделяемость» (Turner 1994: 44). Тёрнер обращает особое внимание на проблемы тождества и трансмиссии, задаваясь вопросом: через какие каналы возможна передача одних и тех же (т.е. идентичных по содержанию) правил, предположений или практик в головы индивидов (Turner 1994: 11)? Практики и предположения, отмечает Тёрнер, относятся к области скрытого, неявного (*tacit*) знания, однако психологические концепции обучения, будь то бихевиоризм или теории имитации, предполагают работу с публичным, видимым поведением (Turner 1994: 45). Это порождает проблему: как нечто внутреннее, скрытое, может быть передано в неизменном виде от индивида к индивиду без перевода во внешнюю, видимую форму? (Turner 1994: 63). Кроме того, все известные теории обучения предполагают возникновение индивидуальных вариаций и искажений в процессе передачи знания или практических навыков, в то время как практики и предположения должны быть тождественны друг другу, чтобы можно было говорить об их разделяемости (Turner 2002: 10–11). По мнению Тёрнера, теоретики практик предлагают для решения проблем трансмиссии и тождества абсолютно неправдоподобный (с точки зрения современной психологии и когнитивных наук) механизм: они постулируют существование некоторого «коллективного объекта» наподобие «социального эфира» или «социального сервера», из которого отдельные индивиды каким-то неявным, буквально «магическим» образом «скачивают» практики и предположения (Turner 1994: 62–63).

Тёрнер однозначно отвергает такое решение проблем тождества и трансмиссии практик: для него тот факт, что индивиды, группы или целые народы «разделяют» внешне идентичные практики не предполагает их внутренней идентичности (Девятко 2003: 294). Иными словами, если мы заглянем в головы индивидов, то мы увидим, что их идиосинкратические истории обучения оставили совершенно уникальные (в том числе на уровне сформированных нейронных связей) следы, которые они не разделяют ни с кем другим (Turner 2002: 20). Способность людей внешне имитировать поведение других агентов, по Тёрнеру, не означает, что они каким-то образом получают доступ к чьему-то «неявному знанию», т.к. на когнитивном (а в конечном счете и нейронном) уровне для производства одних и тех же действий у разных людей могут быть задействованы совершенно различные процессы и механизмы (Turner 1994: 130–131). Практики, заявляет Тёрнер, не могут быть переданы «обычными эпистемическими путями» именно потому, что являются не публичными объектами, а «неявными предположениями» (Turner 1994: 46).

Лизардо прекрасно знаком с критикой Тёрнера и еще в 2007 г., на заре своей карьеры, предпринял смелую попытку оспорить некоторые выводы книги, обратившись опять же к ресурсам когнитивной науки. Решение упомянутых ранее проблем тождества и трансмиссии практик Лизардо увидел в открытии так называемых зеркальных нейронов: особого вида нейронов, активирующихся как при выполнении действий самим человеком (или животным), так и при наблюдении за выполнением действия другими агентами, — и предположительно лежащих в основе имитации и понимания действия вообще (Gallese et al. 1996). Лизардо заявляет, что акты телесной симуляции (*embodied simulation*), реализуемые с помощью зеркальных нейронов, как раз и являются источником того фонового «предпонимания» и скрытых предположений, без которых невозможно функционирование практик и на которые обрушивается критика Тёрнера (Lizardo 2007: 333–334). Зеркальные нейроны, по мнению Лизардо, предоставляют возможность постулировать в качестве пресловутого «коллективного объекта» не загадочный «социальный сервер», а само человеческое тело — нечто, чем обладают все без исключения социальные агенты (Lizardo 2007: 336). Лизардо утверждает, что зеркальные нейроны позволяют «считывать цели и намерения других агентов путём непосредственной субличной настройки (*attunement*) и координации моторных схем между агентами, не прибегая к сознательному обдумыванию чужих целей и намерений» (Lizardo 2007: 336). Это, по мнению Лизардо, лишает необходимости переводить практические инструкции в формат публичного эксплицитного обучения: практические компетенции приобретаются акторами вследствие того, что они окружены другими акторами, непосредственно демонстрирующими этим компетенции (Lizardo 2007: 337). Лизардо заявляет, что такая переинтерпретация спасает теории практик — и прежде всего Бурдьё как главного теоретика «телесных» практик — от критики Тёрнера (Lizardo 2007: 345–46).

Однако, в том же году Тёрнер выступил с развернутым ответом на критику Лизардо, где указал на неточности в понимании принципов функционирования зеркальных нейронов и упрекнул Лизардо в избирательном толковании концепций Бурдьё. Во-первых, по мнению Тёрнера, Бурдьё никогда не был исключительно «телесным» теоретиком и активно пользовался когнитивными терминами, такими как «информация», «декодирование», «предписание» и мн. др. (Turner 2007b: 356–57). Попытка представить концепцию Бурдьё как выстроенную вокруг телесных автоматизмов и смежных понятий, считает Тёрнер, довольно далека от реального содержания его теорий (Turner 2007b). Тёрнер также считает, что Бурдьё, вопреки представлениям Лизардо, фактически недалеко ушел

от проблематичной картины «скачивания» предположений из коллективного объекта, т.к. тоже придерживается определенной формы «коллективной психологии»: индивидуальные диспозиции и стратегии у Бурдые происходят из некоторого коллективного источника, который сам по себе обладает стратегической и диспозициональной природой (Turner 2007b: 352). Говоря, например, о воспроизводстве доминирования определенного класса, Бурдые подспудно постулирует наличие некоторой квазителеологической коллективной силы: подобия «групповой воли», которая преследует определенные цели и достигает их, направляя индивидуальное поведение через габитус (Turner 2007b: 353). Тёрнер видит в теории Бурдые суррогат марксовской теории базиса-надстройки, в которой базис и надстройка заменены на поле и габитус, а следовательно все проблемы, которым была посвящена его критика «коллективных объектов», присутствуют и в ней (Turner 2007b: 355).

Кроме того, по мнению Тёрнера, Лизардо допускает большую ошибку, думая, что зеркальные нейроны помогают спасти теорию практик Бурдые от этих проблем, предлагая непроблематичный механизм передачи диспозиций и другого «телесного содержимого» от индивида к индивиду, гарантирующий их тождество (Turner 2007b). Зеркальные нейроны, пишет Тёрнер, являются важной частью процесса обучения, в котором большую роль играет индивидуальная история обучения и присутствуют «нормальные индивидуальные вариации ментального содержания» (Turner 2007b: 356). Происходит это потому, что содержание не передаётся напрямую, как предположительно считает Лизардо, а «отзеркаливается», т.е. симулируется внутри сознания того, кто занимается этим «отзеркаливанием» (Turner 2007b: 358). Мы не можем просто «считывать» цели других людей, поясняет Тёрнер, но мы можем (предсознательно) конструировать их — и этот процесс, естественно, подвержен ошибкам и искажениям (Turner 2007b: 360). Главной же ошибкой Лизардо, с точки зрения Тёрнера, является то, что он смешивает две качественно различные философские проблемы в одну — кантианскую проблему универсальных условий понимания и неокантианскую проблему понимания в социальной группе (Turner 2007b: 363). Наличие универсальной сенсомоторной системы и зеркальных нейронов у всех людей, возможно, действительно служит ключом к разрешению первой проблемы, подчёркивает Тёрнер, однако совершенно не решает вторую, хотя именно она имеет прямое отношение к проблематике теорий практик (Turner 2007b). Пути к освоению одного и того же навыка (или усвоению определенного понятия) у разных людей могут радикально отличаться, поэтому их «тождество» является не более чем предметом интерсубъективного соглашения, а не фактом, связанным с осо-

бенностями нервной системы или общностью телесного опыта людей, подытоживает Тёрнер (Turner 2007b: 365).

Множественность процессов и компьютерное сознание: дополнительные трудности

Для критики, впрочем, уязвимы не только социологические основания предложенной Лизардо и соратниками концептуализации культуры, но и их главные точки опоры в когнитивистике — теории дуальных процессов (dual process theories). Хотя благодаря работам таких влиятельных авторов, как Д. Канеман, М. Либерман, или Р. Дойч, представления о двойственном характере познания прочно вошли в современные психологические теории, эти модели всё же не являются абсолютно неоспоримыми и лишёнными противоречий. Г. Керен и Й. Шул, в частности, указывают на следующую проблему: приверженцы дуальных подходов постулируют, что процессы познания могут быть либо аффективными, автоматически, холистскими и ассоциативными по своим характеристикам, либо когнитивными, контролируруемыми, аналитическими и логическими, однако нельзя исключить, что существуют процессы, в которых эти якобы несовместимые характеристики пересекаются и комбинируются, что ставит под удар представления о двойственном характере познания (Gawronski, Creighton 2013: 293; Keren, Schul 2009). В похожем ключе высказывается и Дж. Эванс, отмечающий следующую слабость интегративной теории Смита и Декостера, на которую опирается Лизардо: в то время как неавтоматические процессы в большинстве теорий действительно тесно привязаны к основанному на правилах режиму обработки информации, связь автоматических процессов с ассоциативной обработкой информации уже не так однозначна, т.к. часть описываемых в литературе систем имплицитных когнитивных процессов явно опирается на другие, не-ассоциативные режимы обработки (Evans 2008: 261). Керен и Шул также критикуют теории дуальных процессов за низкую предсказательную силу и отсутствие внятных критериев эмпирического опровержения, заявляя, что те способны включить в себя *post hoc* любое эмпирическое открытие (Keren, Schul 2009: 301). Хотя эта критика применима и ко многим альтернативным (в том числе предполагающим наличие только одного класса процессов познания) подходам в когнитивистике, игнорировать ее невозможно.

Наконец, еще одна линия критики может быть связана с ограничениями традиционных моделей объяснения в когнитивных науках. Несмотря на декларируемую представителями социологии культуры и познания приверженность «телесным» концепциям, такие термины, как приобретение,

кодирование, хранение, обработка и использование информации (Lizardo et al. 2016) очевидным образом отсылают к стандартной модели человеческого познания в когнитивистике, а именно — к модели сознания-как-компьютера. Человеческий мозг в стандартной модели — вычислительная машина: процессор, обрабатывающий информацию путем комбинации определенных символических единиц (например, репрезентаций) с другими единицами, которая регулируется правилами и формулами, подобными тем, что существуют в формальной логике (Turner 2018: 45–49). Хотя внутри стандартного подхода и существуют конкурирующие направления, всех их объединяет предположение о том, что познание может быть представлено как получение, обработка и использование информации, закодированной в виде символических репрезентаций. Подобное представление о человеческом познании в последние годы активно подвергается критике со стороны альтернативного направления в когнитивистике — так называемых подходов 4E, представляющих познание как: а) «телесное/ воплощенное» (embodied); б) «ситуативное» (embedded); в) энактивистское (enactive); г) «экологическое» или динамическое (ecological) (Turner 2018: 51). 4E-подходы фокусируются не на внутренних процессах организма, а на динамическом взаимодействии сознания, тела и окружающей среды, разворачивающемся в реальном времени в процессе целенаправленного действия индивида (Turner 2018). Ключом к пониманию споров между 4E-подходами и стандартным подходом является вопрос когнитивной нагрузки: оппоненты модели мозга-как-компьютера находят неправдоподобным представление о том, что человеческий мозг способен производить такой поистине гигантский объём вычислений («ментальной гимнастики», выражаясь словами Э. Шемера) исключительно за счёт внутренних ресурсов (Turner 2018: 53). Способ снизить когнитивную нагрузку и объёмы вычислений приверженцы 4E-подходов видят в частичном вынесении познания из мозга в человеческое тело и во внешний мир (Turner 2018: 53). Тёрнер заявляет, что 4E-подходы в конечном счёте могут предложить более правдоподобные и насыщенные объяснения сложных социокультурных феноменов, чем это под силу стандартной «вычислительной» модели познания (Turner 2018: 3). Хотя стандартная модель и является более распространённой в когнитивных науках (и, более того, неоднократно наглядно демонстрировала свою объяснительную и предсказательную силу), полностью игнорировать её ограничения и провалы также было бы нецелесообразно. В конечном счёте успех проекта О. Лизардо и соавторов зависит от того, смогут ли они адекватно ответить как на вызовы внутри социологической теории, так и на проблемы, связанные с импортом концептов и методов из когнитивистики.

Дискуссии и перспективы

В заключение следует отметить, что, несмотря на очевидно высокий потенциал «дуально-процессной» модели для решения теоретико-методологических проблем социологии культуры посредством концептуальной интеграции классических и альтернативных моделей объяснения, перед сторонниками этой исследовательской программы сегодня стоит ряд непростых задач, решение которых существенным образом определит контуры дальнейшего развития направления. К этим вызовам, однако, относятся не только уже описанные выше содержательные проблемы бурдьезианской концепции практик или ограничения импортируемых психологических теорий, но и более сложные вопросы, отсылающие непосредственно к области философии научного знания. Безусловно, идея заимствования объяснительных средств и методов из одной области знания для решения проблем, сформулированных на языке описания другой дисциплины, во многих отношениях проблематична и требует дополнительного философского обоснования. Теоретическая работа в этом направлении с неизбежностью обнажает такие проблемы эпистемологического, онтологического и методологического характера, как совместимость языков описания, возможность трансдисциплинарного перевода с одного языка описания на другой, вопросы уровней реальности и отношений между ними (Zahle 2017; Thagard 2013; Куракин 2018: 40–44), межтеоретической редукции и эмерджентности (Chalmers 2006; Zahle 2017) и мн. др.

Очевидно, что взаимодействие между когнитивистикой и социологией невозможно без установления некоторых общих онтологических и эпистемологических оснований: необходимо понимать, в каком именно отношении область социального находится к областям, изучаемым когнитивными науками. Самой интуитивно простой — хотя и не лишенной ряда трудностей* — представляется идея разных уровней объяснения. П. Тагард выделяет четыре таких уровня в когнитивистике — социальный, психологический, нейронный и молекулярный (Thagard 2013: 602). Тагард признает, что эта иерархическая картина подразумевает онтологический редукционизм: сущности более высоких уровней в конечном счёте образованы только из частей нижних уровней (Thagard 2013: 602). Однако Тагард принципиально отвергает эпистемологический редукционизм: изменения на более сложно организованных уровнях не всегда могут быть объяснены изменениями механизмов на подчиненных уровнях (Thagard

* Критика идеи «уровней» в социологическом объяснении см: (Ylikoski 2014).

2013: 602). Более того, взаимодействия между уровнями не всегда происходят снизу вверх: иногда именно социальные механизмы оказываются ключевыми в объяснении того или иного феномена, а факты психологического, нейронного или молекулярного уровней — вторичными (Thagard 2013: 603). Тагард, хотя и пытаясь при этом быть предельно осторожным, допускает, что изменения на более высоких уровнях могут каузально воздействовать на изменения на низших уровнях (Thagard 2013: 604).

Нельзя сказать, что эта картина полностью устраивает социологов, долгие годы борющихся за дисциплинарную автономию, обосновывая несводимость социального к психологическим или физиологическим фактам и отстаивая понимание социальной реальности как реальности *sui generis*. Д.Ю. Куракин отмечает, что одним из способов сохранить автономию социального может быть обращение к философским идеям эмерджентизма (Куракин 2018: 40–44). Суть эмерджентизма заключается в том, что взаимодействия элементов на одном уровне (нижнем) могут привести к возникновению новых и отличных от них свойств или сущностей на другом (более высоком) уровне, но при этом новая сущность (или свойство) оказывается больше суммы частей и не может быть разведена назад на эти части (Куракин 2018: 40). Философ Д. Чалмерс выделяет две различных концепции эмерджентности в философии науки: сильную и слабую. Чалмерс призывает считать феномен некоторого высшего уровня эмерджентным в сильном смысле, если тот возникает из нижнего уровня, однако относящиеся к нему (феномену) истины в принципе не выводимы из истин нижнего уровня (Chalmers 2006: 244). Эмерджентным феноменом в слабом смысле Чалмерс называет феномен, который также возникает из нижнего уровня, однако истины, касающиеся этого феномена, являются неожиданными в свете того, что известно о принципах функционирования нижнего уровня (но все же могут быть выведены из истин этого уровня) (Chalmers 2006: 244–245). Большую роль в дискуссии также играет идея «нисходящей причинности (downward causation)», подразумевающая, что явления более высокого уровня способны оказывать причиняющее воздействие на явления более низкого уровня (Куракин 2018: 40). Нисходящую причинность Чалмерс также подразделяет на сильную и слабую: с первой мы имеем дело, когда каузальное воздействие феномена высшего уровня на процессы нижнего уровня не может быть выведено из начальных условий и законов нижнего уровня, а со второй — когда это воздействие в принципе выводимо, но также является неожиданным (Chalmers 2006: 249).

Идеи социальной эмерджентности в последнее время набирают обороты в философии социальных наук. К наиболее влиятельным из них

можно отнести реляционную концепцию эмерджентности Д. Элдера-Васка, супервентную (supervenience-based) концепцию К. Сойера и вдохновленную идеями компьютерного агентного моделирования (agent-based modeling) концепцию Дж. Эпштейна (Zahle 2017: 123–133). Главный вопрос, на который ещё только предстоит ответить философам науки, занимающимся проблемами социальной эмерджентности, заключается в том, можно ли считать социальное эмерджентным в сильном смысле и существует ли сильная нисходящая каузация (от социального уровня — к индивидуальному, психологическому и т.д.). Некоторые из перечисленных выше концепций социальной эмерджентности явно настаивают на ее онтологическом характере, что порождает ряд серьезных дополнительных усложнений. Чалмерс справедливо отмечает, что существование сильной эмерджентности — если оно когда-либо будет доказано — имеет радикальные, далеко идущие метафизические следствия: физикалистская картина мира, все накопленные научные знания о природе, оказываются фундаментально неполными (Chalmers 2006: 246). Неясно, есть ли у социальных философов достаточно аргументированные обоснования для столь радикальных притязаний. Вероятно, более философски правдоподобным и продуктивным пониманием социальной эмерджентности является рассмотрение ее как слабой эмерджентности. Иными словами, хотя социальные феномены и могут в принципе быть выведены из фактов индивидуального, психологического (а в конечном счете и нейронного) уровня, однако их появление все же является неожиданным в свете принципов функционирования нижних уровней и зачастую не может быть объяснено посредством обращения к теориям, описывающим более базовые феномены (Zahle 2017: 125; Chalmers 2006: 254–255).

Каким бы заманчиво удобным ни казалось эмерджентистское решение, теоретикам когнитивной социологии стоит понимать, что оно требует серьезного философского обоснования и должно базироваться на логически непротиворечивых, эмпирически проверяемых предпосылках. Недостаточно просто заявить, что социокультурные феномены эмерджентны: это необходимо доказать, идентифицировав конкретные условия и механизмы, делающие эмерджентность возможной. В задачи данного обзора, разумеется, не входит разрешение вопросов о возможности социальной эмерджентности и природе каузальных отношений между различными уровнями объяснения. Однако представляется разумным предположить, что дискуссии ближайших лет по мере углубления взаимодействия между социальными и когнитивными науками будут двигаться именно в этом направлении, и все упомянутые в последнем разделе этого обзора вопросы ещё не раз станут предметом горячих дебатов как внутри

направления, так и в рамках междисциплинарной коммуникации. В конечном счете способность дуально-процессных теорий дать правдоподобное и логически непротиворечивое объяснение того, как именно функционирует культура, зависит от того, насколько успешны они будут в прояснении отношений между культурой, индивидами, их сознаниями и физиологией. И эта успешность должна определяться не только стройностью теоретической аргументации, но и эмпирической адекватностью выдвигаемых предположений, раз за разом подвергаемых проверке в конкретных исследованиях.

Литература

Гофман А.Б. (2010) Социальное — социокультурное — культурное. Историко-социологические заметки о соотношении понятий общество и культура. Покровский Н.Е., Ефременко Д.В. (ред.) *Социологический ежегодник: сборник научных трудов*. М.: ИНИОН РАН: 128–136.

Девятко И.Ф. (2003) *Социологические теории деятельности и практической рациональности*. М.: Аванти плюс.

Девятко И.Ф., Абрамов Р.Н., Катерный И.В. (ред.) (2015) *Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации*. М.: Прогресс-Традиция.

Дюркгейм Э. (2018) *Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии*. М.: Дело.

Дюркгейм Э., Мосс М. (2011) О некоторых первобытных формах классификации. Мосс М. *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. М.: КДУ: 55–124.

Куракин Д.Ю. (2018) Предисловие к русскому переводу «Элементарных форм религиозной жизни». Дюркгейм Э. *Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии*. М.: Дело: 15–80.

Alexander J.C. (1988) Parsons' "Structure" in American Sociology. *Sociological Theory*, 6(1): 96–102.

Archer M. (2005) Structure, Culture and Agency. In: Jacobs M.D., Hanrahan N.W. (eds.) *The Blackwell Companion to the Sociology of Culture*. Malden, MA: Blackwell Publishing: 17–34.

Bergesen A.J. (2004) Durkheim's theory of mental categories: A review of the evidence. *Annual Review of Sociology*, 30: 395–408.

Chalmers D.J. (2006) Strong and weak emergence. In: Clayton P., Davies P. (eds.) *The Re-Emergence of Emergence: The Emergentist Hypothesis from Science to Religion*. Oxford: Oxford University Press: 244–256.

Coulter J. (2008) Twenty-five theses against cognitivism. *Theory, Culture & Society*, 25(2): 19–32.

DiMaggio P. (1997) Culture and cognition. *Annual review of sociology*, 23 (1): 263–287.

Evans J.St.B.T. (2008) Dual-Processing Accounts of Reasoning, Judgement, and Social Cognition. *Annual Review of Psychology*, 59: 255–278.

Garfinkel H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, Inc.

Gallese V., Fadiga L., Fogassi L., Rizzolatti G. (1996) Action recognition in the premotor cortex. *Brain*, 119(2): 593–609.

Gawronski B., Creighton L. (2013) Dual Process Theories. In: Carlston D. (ed.) *The Oxford Handbook of Social Cognition*. New York: Oxford University Press: 282–312.

Haidt J. (2001) The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgement. *Psychological Review*, 108(4): 814–834.

Hoffmann J.P. (2014) Religiousness, Social Networks, Moral Schemas, and Marijuana Use: A Dynamic Dual-process Model of Culture and Behavior. *Social Forces*, 93(1): 181–208.

Inglis D. (2015) Durkheimian and Neo-Durkheimian Cultural Sociologies. In: Inglis D., Almila A-M. (eds.) *The SAGE Handbook of Cultural Sociology*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications: 60–77.

Jerolmack C., Khan S. (2014) Talk is cheap: Ethnography and the attitudinal fallacy. *Sociological Methods & Research*, 43(2): 178–209.

Keren G., Schul Y. (2009) Two is not always better than one: A critical evaluation of two-system theories. *Perspectives on Psychological Science*, 4(6): 533–550.

Kroeber A.L., Kluckhohn C. (1952) *Culture: a critical review of concepts and definitions*. Papers. Peabody Museum of Archaeology & Ethnology, Harvard University.

Leschziner V., Green A.I. (2013) Thinking about food and sex: deliberate cognition in the routine practices of a field. *Sociological Theory*, 31(2): 116–144.

Lizardo O. (2007) “Mirror neurons,” collective objects and the problem of transmission: Reconsidering Stephen Turner’s critique of practice theory. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 37(3): 319–350.

Lizardo O. (2015) Culture, Cognition and Embodiment. In: Wright J. (ed.) *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Elsevier: 576–181.

Lizardo O. (2016) Cultural Theory. In: Abrutyn S. (ed.) *Handbook of Contemporary Sociological Theory*. Switzerland: Springer: 99–120.

Lizardo O. (2017) Improving cultural analysis: Considering personal culture in its declarative and nondeclarative modes. *American Sociological Review*, 82(1): 88–115.

Lizardo O., Strand M. (2010) Skills, toolkits, contexts and institutions: Clarifying the relationship between different approaches to cognition in cultural sociology. *Poetics*, 38(2): 205–228.

Lizardo O., Mowry R., Sepulvado B., Stoltz D.S., Taylor M.A., Van Ness J., Wood M. (2016) What Are Dual Process Models? Implications for Cultural Analysis in Sociology. *Sociological Theory*, 34(4): 287–310

- Lukes S. (1973) *Emile Durkheim, his life and work: a historical and critical study*. L.: Penguin Books.
- Martin J.L. (2010) Life's a beach but you're an ant, and other unwelcome news for the sociology of culture. *Poetics*, 38(2): 229–244.
- Miles A. (2015) The (re) genesis of values: Examining the importance of values for action. *American Sociological Review*, 80(4): 680–704.
- Miles A., Charron-Chenier R., Schleifer C. (2019) Measuring Automatic Cognition: Advancing Dual-Process Research in Sociology. *American Sociological Review*, 84(2): 308–333.
- Moore R. (2017) Fast or slow: Sociological implications of measuring dual-process cognition. *Sociological Science*, 4: 196–223.
- Parsons T. (1964) *Social Structure and Personality*. N.Y.: Free Press.
- Pugh A.J. (2013) What good are interviews for thinking about culture? Demystifying interpretive analysis. *American Journal of Cultural Sociology*, 1(1): 42–68.
- Ritzer G., Stepnisky J. (eds.) (2017) *Sociological Theory. Tenth Edition*. Thousand Oaks, California: SAGE Publications.
- Shepherd H. (2011) The Cultural Context of Cognition: What the Implicit Association Test Tells Us About How Culture Works. *Sociological Forum*, 26(1): 121–143.
- Smith E.R., DeCoster J. (2000) Dual-process models in social and cognitive psychology: Conceptual integration and links to underlying memory systems. *Personality and social psychology review*, 4(2): 108–131.
- Srivastava S.B., Banaji M.R. (2011) Culture, cognition, and collaborative networks in organizations. *American Sociological Review*, 76(2): 207–233.
- Swidler A. (1986) Culture in action: Symbols and strategies. *American Sociological Review*, 51(2): 273–286.
- Swidler A. (2001) *Talk of Love: How Culture Matters*. Chicago: University of Chicago Press.
- Thagard P. (2013) Cognitive Science. In: Psillos S., Curd M. (eds.) *The Routledge companion to philosophy of science*. N.Y.: Routledge: 597–608.
- Turner J.H. (2014) *Theoretical Sociology: A Concise Introduction to Twelve Sociological Theories*. Thousand Oaks, California: SAGE Publications.
- Turner S.P. (1994) *The Social Theory of Practices: Tradition, Tacit Knowledge, and Presuppositions*. Chicago: University of Chicago Press.
- Turner S.P. (2002) *Brains/practices/relativism: Social theory after cognitive science*. Chicago: University of Chicago Press.
- Turner S.P. (2007a) Social theory as a cognitive neuroscience. *European Journal of Social Theory*, 10(3): 357–374.
- Turner S.P. (2007b) Mirror neurons and practices: A response to Lizardo. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 37(3): 351–371.
- Turner S.P. (2018) *Cognitive Science and the Social: A Primer*. N.Y.: Routledge.

Vaisey S. (2009) Motivation and justification: A dual-process model of culture in action. *American journal of sociology*, 114(6): 1675–1715.

Vaisey S. (2010) What people want: Rethinking poverty, culture, and educational attainment. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 629(1): 75–101.

Vaisey S. (2014a) Is interviewing compatible with the dual-process model of culture. *American Journal of Cultural Sociology*, 2(1): 150–158.

Vaisey S. (2014b) The “attitudinal fallacy” is a fallacy: Why we need many methods to study culture. *Sociological Methods & Research*, 43(2): 227–231.

Vaisey S., Lizardo O. (2010) Can cultural worldviews influence network composition? *Social Forces*, 88(4): 1595–1618.

Vaisey S., Lizardo O. (2016) Cultural fragmentation or acquired dispositions? A new approach to accounting for patterns of cultural change. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, 2: 1–15.

Ylikoski P. (2014) Rethinking Micro-Macro Relations. In: Collin F., Zahle J. (eds.) *Rethinking the Individualism-Holism Debate: Essays in Philosophy of Social Science*. Berlin: Springer: 117–135.

Zahle J. (2017) Emergence. In: McIntyre L., Rosenberg A. (eds.) *The Routledge Companion to Philosophy of Social Science*. N.Y.: Routledge: 124–134.

THE NEW SOCIOLOGY OF CULTURE: FROM TOOLKITS TO COGNITIVE PROCESSES

Dmitrii Sharikov
(ddsharikov@hse.ru)

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Citation: Sharikov D. (2019) Novaya sotsiologiya kul'tury: ot «yashchikov s instrumentami» k kognitivnym protsessam [The new sociology of culture: from toolkits to cognitive processes]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(3): 179–210 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.3.8>

Abstract. This analytical overview examines the main understandings of culture in contemporary sociological theory. It attempts to reconstruct the theoretical logic behind the classical functionalist understanding of culture. It is argued that the classical model of culture has its roots in Durkheim's works on collective representations. It is then explained how Parsons' interpretation of Durkheim's theoretical legacy shaped the former's concept of cultural system. Next, the classical model of culture is criticized from the point of view of modern psychology and cognitive sciences. The key premises of Ann

Swidler's alternative model of culture are then outlined. After that, the research tradition of "The Sociology of Culture and Cognition" is introduced. Vaisey's "dual-process" model of culture is then scrutinized in the light of its significance for the conceptual integration of Parsons' and Swidler's accounts of culture. The distinction between non-declarative and declarative culture, as well as between public and personal culture proposed by Lizardo is discussed in view of its contribution to the development of the dual-process model. The limitations of dual-process theories of culture are then made explicit. Following the debate between Lizardo and Turner, the role of mirror neurons in the transmission of practical competencies from one actor to another is analyzed. A brief critique of the psychological foundations of dual process theories is then offered. The main points of the debate between computationalist and enactivist approaches in cognitive sciences are then summarized. The philosophical ideas of levels of analysis, social emergence, and downward causation are considered thereafter. In conclusion, the main prospects of further theoretical development are laid out.

Keywords: cultural sociology, cognitive sociology, dual process theories of cognition, psychological sociology, interdisciplinarity.

References

- Alexander J.C. (1988) Parsons' "Structure" in American Sociology. *Sociological Theory*, 6(1): 96–102.
- Archer M. (2005) Structure, Culture and Agency. In: Jacobs M.D., Hanrahan N.W. (eds.) *The Blackwell Companion to the Sociology of Culture*. Malden, MA: Blackwell Publishing: 17–34.
- Bergesen A.J. (2004) Durkheim's theory of mental categories: A review of the evidence. *Annual Review of Sociology*, 30: 395–408.
- Chalmers D.J. (2006) Strong and weak emergence. In: Clayton P., Davies P. (eds.) *The Re-Emergence of Emergence: The Emergentist Hypothesis from Science to Religion*. Oxford: Oxford University Press: 244–256.
- Coulter J. (2008) Twenty-five theses against cognitivism. *Theory, Culture & Society*, 25(2): 19–32.
- Devyatko I.F. (2003) *Sotsiologicheskiye teorii deyatelnosti i prakticheskoy ratsionalnosti* [Sociological Theories of Agency and Practical Rationality]. Moscow: Avanti plyus (in Russian).
- Devyatko I.F., Abramov R.N., Katernyy I.V. (eds.) (2015) *Obydennoye i nauchnoye znaniye ob obshchestve: vzaimovliyaniya i rekonfiguratsii* [Ordinary and scientific social knowledge: interconnections and reconfigurations]. Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).
- DiMaggio P. (1997) Culture and cognition. *Annual review of sociology*, 23(1): 263–287.
- Durkheim E. (2018) *Elementarnyye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [The Elementary Forms of Religious Life]. Moscow: Elementarnyye formy (in Russian).
- Durkheim E., Mauss M. (2011) O nekotorykh pervobytnykh formakh klassifikatsii [On some primitive forms of classification]. In: Mauss M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noy antropologii* [Society. Exchange. Personality. Works in social anthropology]. Moscow: KDU: 55–124 (in Russian).

Evans J.St.B.T. (2008) Dual-Processing Accounts of Reasoning, Judgement, and Social Cognition. *Annual Review of Psychology*, 59: 255–278.

Garfinkel H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall Inc.

Gallese V., Fadiga L., Fogassi L., Rizzolatti G. (1996) Action recognition in the premotor cortex. *Brain*, 119(2): 593–609.

Gawronski B., Creighton L. (2013) Dual Process Theories. In: Carlston D. (ed.) *The Oxford Handbook of Social Cognition*. New York: Oxford University Press: 282–312.

Gofman A.B. (2010) Sotsial'noye — sotsiokul'turnoye — kul'turnoye. Istoriko-sotsiologicheskiye zametki o sootnoshenii ponyatii obshchestvo i kul'tura [The social — the sociocultural — the cultural: Historico-sociological notes on the correlation of the notions 'society' and 'culture']. In: Pokrovskiy N., Yefremenko D. (eds.) *Sotsiologicheskii yezhegodnik* [Sociological Yearbook]. Moscow: INION: 185–198 (in Russian).

Haidt J. (2001) The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgement. *Psychological Review*, 108(4): 814–834.

Hoffmann J.P. (2014) Religiousness, Social Networks, Moral Schemas, and Marijuana Use: A Dynamic Dual-process Model of Culture and Behavior. *Social Forces*, 93(1): 181–208.

Inglis D. (2015) Durkheimian and Neo-Durkheimian Cultural Sociologies. In: Inglis D., Almila A.-M. (eds.) *The SAGE Handbook of Cultural Sociology*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications: 60–77.

Jerolmack C., Khan S. (2014) Talk is cheap: Ethnography and the attitudinal fallacy. *Sociological Methods & Research*, 43(2): 178–209.

Keren G., Schul Y. (2009) Two is not always better than one: A critical evaluation of two-system theories. *Perspectives on Psychological Science*, 4(6): 533–550.

Kroeber A.L., Kluckhohn C. (1952) *Culture: a critical review of concepts and definitions*. Papers. Peabody Museum of Archaeology & Ethnology, Harvard University.

Kurakin D. (2018) Predisloviye k russkomu perevodu «Elementarnykh form religioznoy zhizni» [Preface to the Russian translation of The Elementary Forms of Religious Life]. In: Durkheim E. *Elementarnyye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [The Elementary Forms of Religious Life]. Moscow: Elementarnyye formy: 15–80 (in Russian).

Leschziner V., Green A.I. (2013) Thinking about food and sex: deliberate cognition in the routine practices of a field. *Sociological Theory*, 31(2): 116–144.

Lizardo O. (2007) “Mirror neurons,” collective objects and the problem of transmission: Reconsidering Stephen Turner's critique of practice theory. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 37(3): 319–350.

Lizardo O. (2015) Culture, Cognition and Embodiment. In: Wright J. (ed.) *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Elsevier: 576–181.

Lizardo O. (2016) Cultural Theory. In: Abrutyn S. (ed.) *Handbook of Contemporary Sociological Theory*. Switzerland: Springer: 99–120.

Lizardo O. (2017) Improving cultural analysis: Considering personal culture in its declarative and nondeclarative modes. *American Sociological Review*, 82(1): 88–115.

Lizardo O., Strand M. (2010) Skills, toolkits, contexts and institutions: Clarifying the relationship between different approaches to cognition in cultural sociology. *Poetics*, 38(2): 205–228.

- Lizardo O., Mowry R., Sepulvado B., Stoltz D.S., Taylor M.A., Van Ness J., Wood M. (2016) What Are Dual Process Models? Implications for Cultural Analysis in Sociology. *Sociological Theory*, 34(4): 287–310.
- Lukes S. (1973) *Emile Durkheim, his life and work: a historical and critical study*. London: Penguin Books.
- Martin J.L. (2010) Life's a beach but you're an ant, and other unwelcome news for the sociology of culture. *Poetics*, 38 (2): 229–244.
- Miles A. (2015) The (re) genesis of values: Examining the importance of values for action. *American Sociological Review*, 80(4): 680–704.
- Miles A., Charron-Chenier R., Schleifer C. (2019) Measuring Automatic Cognition: Advancing Dual-Process Research in Sociology. *American Sociological Review*, 84(2): 308–333.
- Moore R. (2017) Fast or slow: Sociological implications of measuring dual-process cognition. *Sociological Science*, 4: 196–223.
- Parsons T. (1964) *Social Structure and Personality*. New York: Free Press.
- Pugh A.J. (2013) What good are interviews for thinking about culture? Demystifying interpretive analysis. *American Journal of Cultural Sociology*, 1(1): 42–68.
- Ritzer G., Stepnisky J. (eds.) (2017) *Sociological Theory. Tenth Edition*. Thousand Oaks, California: SAGE Publications.
- Shepherd H. (2011) The Cultural Context of Cognition: What the Implicit Association Test Tells Us About How Culture Works. *Sociological Forum*, 26(1): 121–143.
- Smith E.R., DeCoster J. (2000) Dual-process models in social and cognitive psychology: Conceptual integration and links to underlying memory systems. *Personality and social psychology review*, 4(2): 108–131.
- Srivastava S.B., Banaji M.R. (2011) Culture, cognition, and collaborative networks in organizations. *American Sociological Review*, 76(2): 207–233.
- Swidler A. (1986) Culture in action: Symbols and strategies. *American Sociological Review*, 51(2): 273–286.
- Swidler A. (2001) *Talk of Love: How Culture Matters*. Chicago: University of Chicago Press.
- Thagard P. (2013) Cognitive Science. In: Psillos S., Curd M. (eds.) *The Routledge companion to philosophy of science*. New York: Routledge: 597–608.
- Turner J.H. (2014) *Theoretical Sociology: A Concise Introduction to Twelve Sociological Theories*. Thousand Oaks, California: SAGE Publications.
- Turner S.P. (1994) *The Social Theory of Practices: Tradition, Tacit Knowledge, and Presuppositions*. Chicago: University of Chicago Press.
- Turner S.P. (2002) *Brains/practices/relativism: Social theory after cognitive science*. Chicago: University of Chicago Press.
- Turner S.P. (2007a) Social theory as a cognitive neuroscience. *European Journal of Social Theory*, 10(3): 357–374.
- Turner S.P. (2007b) Mirror neurons and practices: A response to Lizardo. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 37(3): 351–371.
- Turner S.P. (2018) *Cognitive Science and the Social: A Primer*. New York: Routledge.
- Vaisey S. (2009) Motivation and justification: A dual-process model of culture in action. *American journal of sociology*, 114(6): 1675–1715.

Vaisey S. (2010) What people want: Rethinking poverty, culture, and educational attainment. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 629(1): 75–101.

Vaisey S. (2014a) Is interviewing compatible with the dual-process model of culture. *American Journal of Cultural Sociology*, 2(1): 150–158.

Vaisey S. (2014b) The “attitudinal fallacy” is a fallacy: Why we need many methods to study culture. *Sociological Methods & Research*, 43(2): 227–231.

Vaisey S., Lizardo O. (2010) Can cultural worldviews influence network composition? *Social Forces*, 88(4): 1595–1618.

Vaisey S., Lizardo O. (2016) Cultural fragmentation or acquired dispositions? A new approach to accounting for patterns of cultural change. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, 2: 1–15.

Ylikoski P. (2014) Rethinking Micro-Macro Relations. In: Collin F., Zahle J. (eds.) *Rethinking the Individualism-Holism Debate: Essays in Philosophy of Social Science*. Berlin: Springer: 117–135.

Zahle J. (2017) Emergence. In: McIntyre L., Rosenberg A. (eds.) *The Routledge Companion to Philosophy of Social Science*. New York: Routledge: 124–134.